

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш38

Шего, Лола.

Ш38 Эбонвейл. Мрачный бал / Лола Шего. — Москва :
Эксмо, 2026. — 704 с.

ISBN 978-5-04-247844-4

Добро пожаловать на Мрачный бал! Никому не верьте.

Раз в год замок Гримрок открывает двери тем, кто привык получать желаемое любой ценой. На Мрачном балу под одной крышей встречаются короли и убийцы, наследники и шпионы, алхимики и заговорщики. Все скрывают лица, зато охотно раскрывают чужие тайны на Аукционе секретов. Здесь можно купить измену, шантаж или государственный заговор. Главное — предложить цену, которую другой не сможет перебить.

Ранольд приезжает в Черноскалье почётным гостем короля и вскоре получает предложение убить претендента на престол. Для опального графа это шанс вернуть своё имя — вот только заказчик явно преследует собственные цели.

Как и Кернет Тасс — эльфийка, всем сердцем ненавидящая людей. По приказу её жениха, придворного интригана Сигилля, она вынуждена следить за Ранольдом. Но, разбираясь в прошлом графа и причинах охоты на него, Кернет выходит на самого Сигилля: тот скрывает куда более страшный секрет.

А на Аукционе тем временем продаётся тайна, которую не должен был узнать никто. В погоне за властью заговорщики снимают древнюю печать и выпускают того, чьё имя веками боялись произносить. Принц Разрушения возвращается — и вместе с ним открываются врата, из которых явится нечто гораздо страшнее человеческих интриг.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шего, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-256908-1

От всего сердца благодарю Волкову Н. С. Вы, возможно, никогда не прочитаете этот роман, но знайте — вы первая, кто в меня поверил.

Посвящаю Нике П. за то, что ты подарила краски этому миру, и за то, что любишь его даже больше меня. Посвящаю Нике К. за то, что ты поддерживала меня и вытягивала бульдозером из пучины полного неверия в свои силы. Настя, спасибо за то, что ждала этот роман больше меня и терпела мои бесконечные творческие метания.

Посвящаю Никите Д. за великолепный мир, в который он вдохнул жизнь. Спасибо тебе за идеи и неугасаемую поддержку.

Посвящаю моей семье и любимым коллегам, которые держали за меня кулачки.

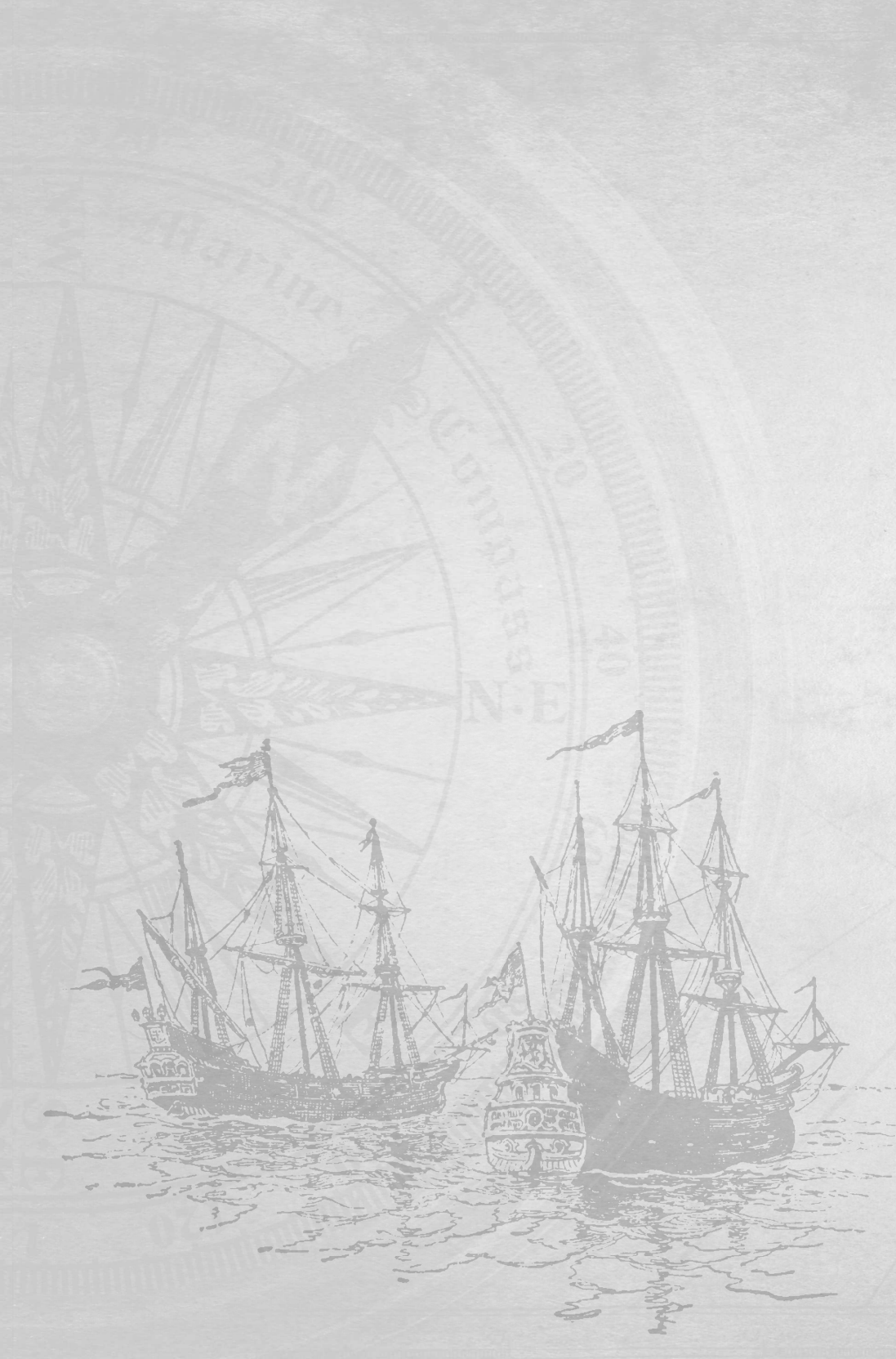
И, конечно, я посвящаю «Эбонвейл» тебе, Леля, мой чудесный редактор. В русском языке не хватит слов, чтобы выразить всю мою признательность.

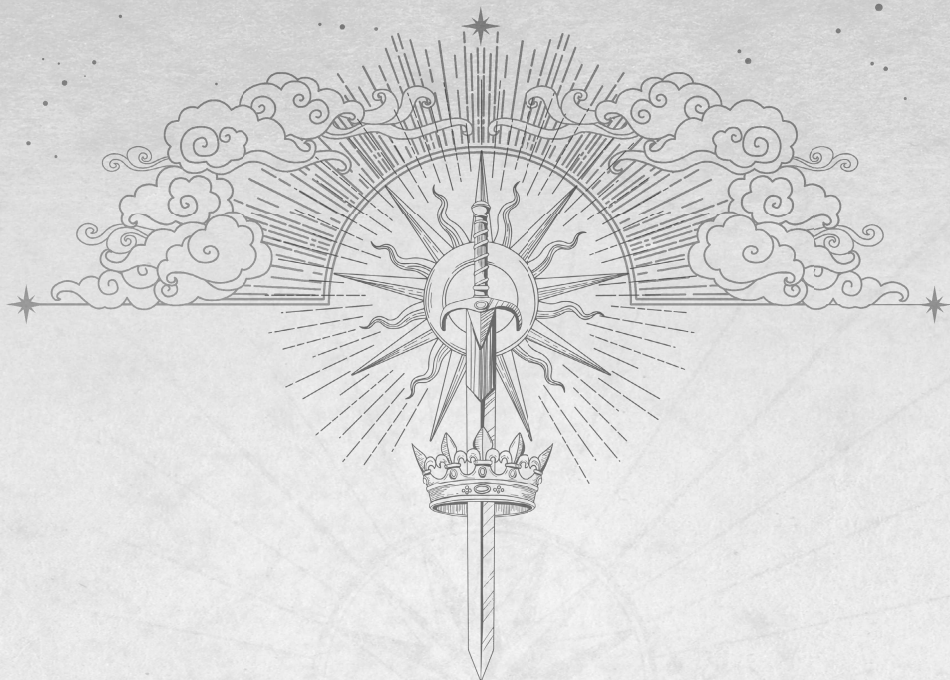
И я благодарю каждого, кто купил эту книгу.

События «Эбонвейла» охватывают лишь крошечную часть необъятного мира Артилвейн, который создавался больше десяти лет. По этому сеттингу играют в «Подземелья и драконы», и многие события, происходящие в этом мире, являются следствием действий игроков и их персонажей. И любой может стать частью этого мира и оставить в нем свой след — стоит лишь дать волю своей фантазии.

Когда откроете первую страницу, вы больше не будете просто читателем. А когда закроете последнюю, «Эбонвейл» больше не будет принадлежать мне одной.

*Добро пожаловать на Мрачный Бал!
Никому не верить.*

Пролог

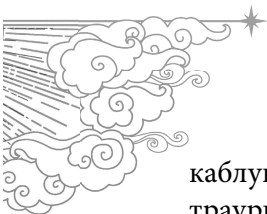
Лети, мотылек, к огню

Кастелиньон, столица герцогства Риваррон

У герцога на похоронах любимой собаки и то было больше скорби на лице.

Дождь шел с раннего утра, и к полудню, когда гроб повезли к королевской усыпальнице из храма Абельхарда¹, земля под ногами превратилась в черную кашу, в которой вязли

¹ Абельхард — один из богов Триумvirата. «Последний проводник» и «Старец, провожающий в посмертие». При жизни Абельхард был жрецом богини смерти и во время войн с терпением и любовью выслушивал последнюю волю умирающих с обеих сторон конфликта.

Эбонвейл. Мрачный бал

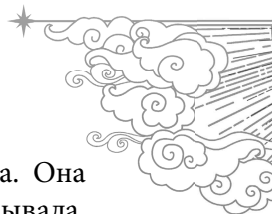
каблуки и наконечники тростей. Колокола гремели тяжелым траурным перезвоном, от которого гудело в висках. Готье стоял в третьем ряду, как и положено дворецкому герцогского дома, на почтительном расстоянии от высоких господ, и старался не смотреть на гроб слишком долго — опасался, что старое сердце не выдержит. А ведь он предупреждал его сиятельство, предупреждал. Этот ребенок всегда был слишком беспечен, слишком наивен; сытая жизнь разбаловала его, расслабила.

Впереди черного катафалка шествовали два герольда с обнаженными мечами, за ними — знаменосцы Риваррона. Сам же отец покойника шагал за повозкой, гордо задрав голову, и больше всего был озабочен тем, как бы не испачкать в грязи полы мантии. Герцогские пажи рядом с Готье все измучились, бедолаги, порываясь броситься из толпы к господину, но вмешиваться в процессию не имели права.

За герцогом следовал кардинал с видом, полагающимся высшему духовенству, — постным и скорбным ровно настолько, насколько того требовал устав, ни морщинкой больше. Любимый конь умершего цокал копытами позади всей процессии, понуро опустив голову. Стремена перевернуты, на золотом крупе мерцал герцогский герб на черной попоне, разрезанной траурной полосой, — все по уставу до скрипа зубов. Таков был символ утраты последнего наследника герцогского дома.

Королева и кронпринц тоже посетили церемонию, хоть формально протокол и освобождал их от этого жеста. Ее величество вместе со своей свитой ожидала у входа в усыпальницу — именно с ее дозволения покойника хоронили там же, где мужа королевы. Сама она лишь недавно сняла траурные одежды по брату, сгинувшему в заморской экспедиции, и вот судьба распорядилась снова омрачить облик этой властной и, несмотря на великие лета, прекрасной женщины.

И даже она, за столько времени насквозь пропитавшаяся этикетом и приличиями, была больше занята переговорами

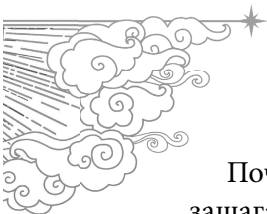

с племянником, сыном того самого погибшего брата. Она держала его под локоток и что-то увлеченно рассказывала. Полагающуюся по протоколу речь с соболезнованиями сухо зачитал герольд, а не она сама, — видимо, негоже было терять время, которое можно было потратить на нравоучения.

Именно племянник королевы был главным героем этой церемонии, а не скорбящий отец или виновник мероприятия. Если бы не королева, к нему бы уже выстроилась толпа заискивающих аристократов — того и гляди, затоптали бы похоронную процессию. Готье не мог скрыть разочарования при взгляде на племянника королевы: от доброго и светлого мальчишки-бастарда, который обивал пороги герцогского дома, чтобы попроситься поиграть со своим лучшим другом, не осталось и следа. Угрюмый одноглазый калека, так похожий на королеву, стоял с совершенно отсутствующим видом — который ни в коем случае не стоило путать с панихидным — и барабанил пальцами по набалдашнику своей трости. Со скучающим видом он рассматривал бесчисленные макушки зевак вместо того, чтобы проявлять почтение.

Бастард, которого считали погибшим на войне вместе с героем-отцом, с фанфарами вернулся на родные земли. Тут его ждали признание, герцогство, всеобщая любовь и, коль сложится, нечто большее. А тот, у кого это «большее» могли отобрать, стоял поодаль от матушки под тем же шатром да позевывал в кулак. Все высокие помыслы кронпринца придавили утреннее похмелье, хлюпанье мокрых сапог да то, что траурный дублет жал под мышкой.

Готье нехотя оторвал взгляд от королевской четы и проследил за катафалком, остановившимся у арочного входа. Носильщики подняли гроб и понесли его внутрь усыпальницы — шагом ровным, едва ли не легким. Они опустили его на подготовленный мраморный постамент мягко, без того глухого толчка, который Готье слышал на сотнях похорон за свою долгую службу. Старый дворецкий отметил это и поспешил отвести глаза.

Эбонвейл. Мрачный бал

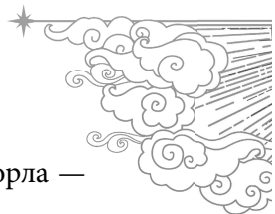
Почетный караул выстроился вдоль дорожки, и герцог зашагал к гробу.

Кардинал затянул заунывную речь о царствии Старца Абельхарда, о подвигах, которыми покойник прославился уже к закату своей — как он витиевато выразился — «неоднозначно проведенной жизни». Слова отскакивали от высоких сводов, и стены съедали их прежде, чем они доходили дальше третьего ряда. Поэтому Готье довольно скоро начал ловить шепотки за спиной: «Я тут думал подать прошение его светлости о бунтующих рабочих шахт, надо бы подойти...», «А вы видели, в чем явилась мадам Ларизье? Каков срам!», «Ну до чего ж красив племянник королевы, шрамы украшают мужчину!». Гости обсуждали свежие скандалы вокруг гостей в королевстве уродливых эльфов, наряды известного кутюрье, прибывшего в Кастелильон, грядущую охоту на лисов, которую герцог не стал отменять, несмотря на траур, — словом, все, кроме покойника.

Герцог встал напротив гроба, положил руку в перчатке на отполированное дерево и зажмурился с таким видом, словно происходящее тяжелым грузом лежало на его плечах, а он не мог свободно вздохнуть. Но по упавшим плечам герцога Готье рассудил, что дело обстоит ровно наоборот: это было облегчение. Единственного наследника могущественнейшего герцогства любили в этой семье ровно настолько, насколько любят антиквариат в парадной зале: достался по наследству, статус обязывает — вот и терпи, благородный, пока не выдаться случай втридорога сбыть его с рук на каком-нибудь аукционе. А чтобы набить цену, делай вид, что от сердца отрываешь. В этом был весь герцог.

Готье нянчился с покойным, как с собственным сыном, но по протоколу не мог даже выразить свою скорбь.

Тяжелые двери усыпальницы скрипнули в неурочный час, прямо посреди речи кардинала. Другие гости были заняты сами собой — мало ли какой болван опоздал на церемо-

нию; да и всем личность покойного стояла поперек горла — но Готье обернулся и окаменел.

На пороге, очерченный серой дугой дождя, показался молодой человек в черном плаще, подбитом плотным мехом. С широких полей роскошной шляпы громко падали капли, пока припозднившийся гость тяжелой, пружинящей походкой шествовал по мраморным плитам к герцогу.

Он шел по проходу так, как ходят люди, у которых что-то перебито в бедре и так и не срослось как следует, — тяжело, чуть припадая, но и довольно бодро, будто наперекор всем. Ступал он, не сводя глаз со спины скорбящего герцога.

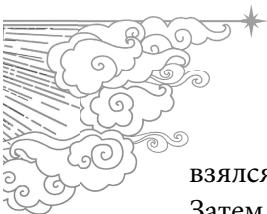
По залу пробежались вздохи — короткие, испуганные, такие можно услышать в курятнике, когда в щель просунет морду лиса. Кардинал, узнав гостя, весь так и посерел и заппнулся на середине фразы. Кронпринц захлебнулся на половине зевка. Королева повернулась и окаменела, не в силах выдавить ни слова. Ее племянник выдохнул — коротко, с недоброй усмешкой, какой у нежного мальчика, любившего книги и элегии миннезингеров¹, прежде не бывало вовсе. Он наклонился к уху тетушки и сказал ей что-то очень тихо, отчего лицо ее величества превратилось в белую маску.

В гробовой тишине гость поднялся по ступеням и встал напротив герцога — по другую сторону гроба. Безутешный отец не сразу поднял на него глаза; а когда поднял, то Готье увидел, как у его светлости дернулся кадык, и подумал, что за столько лет службы ни разу не видел герцога испуганным. Гость провел ладонью по крышке и постучал костяшкой указательного пальца.

— Кажется, — произнес он, оглядывая собравшуюся толпу, — никого нет дома.

Кардинал шагнул вперед, но вдруг поймал взгляд гостя — и шагнул обратно, сам того, кажется, не заметив. Тогда гость

¹ Гальдсбергские поэты-музыканты, преимущественно из рыцарского сословия.

Эбонвейл. Мрачный бал

взялся обеими руками за крышку и с усердием поднял ее. Затем сунул руку внутрь и начал выбрасывать камни. Кто-то из дам в задних рядах вскрикнул, остальные гости заметно заволновались. Герцог стоял с белым, как храмовая стена, лицом и взира́л на новоприбывшего с таким видом, будто у него жизнь на глазах переворачивалась.

Гость снял шляпу и протянул онемевшему герцогу. Потом, хмурясь, кряхтя и морщась от боли, осторожно вскарабкался в гроб и улегся в нем, театрально сложив руки крест-накрест.

— Прошу прощения за опоздание, ваше высокопреосвященство! — громко извинился он и закрыл глаза. — Я готов. Продолжайте!

Готье не удержался и зажал себе рот рукой, издав сдавленный смешок, перемешавшийся со слезами.

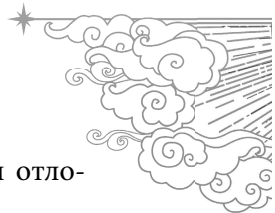
Некоторое время назад

Хас-Нидус, столица эльфийского королевства Черноскалье

Около массивного стола из черного вяза сгустилась Плотоядная Тень — одна из неживых стражей и слуг замка. Раскрыв клыкастую пасть, она склонилась над ухом короля темных эльфов-куовари¹, Гаррета Хесса.

— Ваш-ше темнейш-шес-ство, — едва слышно зашипела тень бесцветным тоном, — к вам лорд Пика С-севера, мес-сир Мас-сор.

¹ Куовари — раса темных эльфов, произошли от бога Люра, населяют королевство Черноскалье на архипелаге Нового Света. См. форзац.

Гаррет только молча вздернул бровь и со вздохом отложил бумаги.

— Впусти.

Тень с легким шелестом рассеялась во мраке, и дверь в королевский кабинет плавно открылась. Внутрь грациозной походкой вошла фигура молодого куовари, талантливейшего — по его собственному мнению — арканоманта¹, который с ехидцей улыбнулся королю и раскланялся.

— Вы наконец-то соизволили удостоить меня аудиенцией, государь? Право слово, я польщен. Не прошло и пары месяцев.

— Сигилль, — вместо приветствия протянул Гаррет и смерил кузена тяжелым выжидающим взглядом. — Что привело тебя ко мне?

На вытянутом бледном лице, которое обычно украшали только надменная ухмылочка да ележно вздернутые черные брови, проступило выражение замешательства. Золотые глаза вопросительно захлопали.

— Что привело? Вы сами меня пригласили!

Гаррет не успел ничего сказать, как воздух в кабинете завихрировал и загудел. Завихрения из золотых искр образовали воронку, и с легким хлопком на мраморный пол ступила нога королевы Ламины. Гаррет поневоле поежился, увидев свирепое, ужасно сердитое выражение на лице супруги. Даже роскошная копна рыжих волос слегка подрагивала, как языки пламени, вторя настроению хозяйки. При виде нее Сигилль лишь брезгливо и раздосадованно скривился, поняв, что его поймали в расставленные силки.

— Это я его сюда заманила, — сухо объяснила Ламина, сведя руки на груди. — По-хорошему он не понимал. Я несколько раз отдавала ему приказ явиться ко двору, но он про-

¹ Ар кан ом ан ты — маги, обладающие способностью сплести аркану и творить заклинания. Аркана — нити Плетения, пронизывающего и трансформирующего материю.

Эбонвейл. Мрачный бал

игнорировал мои послания, а над своим замком выстроил барьер, который не давал мне телепортировать его в Гримрок!

— Ой, ваше величество, какая «приятная» встреча! — фальшиво улыбнулся Сигилль, пряча за ладонью едкое выражение. — Уверяю вас, я никаких посланий не получал, а барьер поставлен давно и не от вас ни в коем разе. Мы же не можем позволить злопыхателям достать лорда Севера и правую руку нашего короля, не так ли?

— Кончай строить из себя скомороха, — рявкнула королева без привычной сдержанности и приблизилась к Сигиллю, который даже не дрогнул. — Ты здесь, и ты ответишь за то, что сделал!

— Что случилось, Ламина?

Она повернулась к мужу и кивнула подбородком на Сигилля.

— Он убил одного из моих учеников!

Взгляд Гаррета на подобравшегося Сигилля заледенел. Он прекрасно знал, что его честная, порядочная и солнцелюбивая супруга, которой даже спустя годы тяжело давалась жизнь в Черноскалье, была привязана всего к нескольким вещам: своей семье, своему саду и своим ученикам — маленьким сироткам со всего света, включая куовари, которых она обучала магии и искусству меча. Сигилль покусился на то небольшое святое, что могло сорвать привычную маску бесстрастности на лице Ламины и довести ее до бешенства.

Лорд Массор пренебрежительно фыркнул и отмахнулся ладонью.

— Никого я не убивал, делать мне нечего. Кто же виноват, что ее величество подбирает себе в ученики сплошь серую и бездарную чернь, которая не в силах противостоять даже простейшему заклинанию?

Глаза Королевы Клинков вспыхнули яростью, и Сигилль вовремя успел выставить перед собой щит, а то неровен час — и превратился бы в жука, которого прямо сейчас ее величество видела перед собой.

— Ты полгода умолял короля доверить тебе часть моих учеников, чтобы доказать свою полезность, и что стало? Какой бездны ты заставил их отрабатывать такие опасные заклинания? Ты знал, что они пострадают!

Сигилль с вызовом усмехнулся в лицо королеве, донельзя лживо склонив голову.

— Я всего лишь отсеял бесполезное отребье, на которое вам, *величество*, не стоит тратить свое драгоценное время. На что сгодятся эти сироты, если не сделать из них могучих солдат нашей армии? Да первый же жалкий пембуру¹ раздерет их в клочья.

Ламина глубоко вздохнула, из последних сил подавляя ярость, и отвернулась к королю, который все это время молча наблюдал за перепалкой.

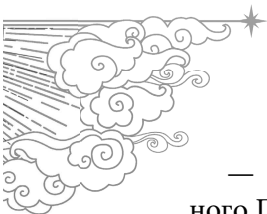
— Который раз твоя семья испытывает мое терпение, Гаррет, — говоря с мужем, она чуть сдержала kloкочущую злобу, но голос ее все еще потрескивал от холода. — Твои сестры спелись с лидером восстания, и по их вине едва не погиб наш сын. Ты просил о милосердии, и я простила их. А теперь твой проклятый бесполезный кузен пролил кровь детей, которые были на моем попечении.

Она грозно приблизилась к столу мужа и оперлась на него ладонями. Золотые глаза прожгли ему лицо.

— Либо ты наконец приструнишь свою семейку, либо это сделаю я, но учти: мое милосердие сегодня исчерпало себя.

И, бросив последний уничижительный взгляд на Сигилля Массора, Ламина Хесс исчезла из кабинета короля в магическом вихре, который принял облик водоворота золотых кленовых листьев. Сигилль раздраженно замахал перед собой рукой, развеивая искры чужого волшебства, словно те смердели.

¹ Пембуру — звероподобные монстры, населяющие архипелаг Нового Света. Произошли от бога Баистета. Составляют большую часть фауны островов: как хищную, так и травоядную. В основном — неразумные, но генералы и вожаки пембуру наделены сознанием. См. форзац.

Эбонвейл. Мрачный бал

— Она еще мне спасибо скажет, — фыркнул Лорд Северного Пика.

— Ты ходишь по очень тонкому льду, Сигилль, — сурово процедил Гаррет, поднимаясь из-за стола.

Сигилль Массор самодовольно усмехнулся и скрестил руки на груди, откинув с лица выбившуюся белую прядку.

— Ее величество вреда мне не причинит. Точно не из-за какого-то нищего оборванца. Кем он, кстати, был? — Сигилль задумчиво посмотрел на свои ногти. — Кажется, из эллари¹, прямо как наша королева. Выглядят они убого, на мой вкус... ну, кроме нашей государыни, само собой.

Гаррет встал перед кузеном, сведя руки за спиной, и Сигиллю показалось, что вокруг государя сгустились тени, из-за чего в комнате стало темнее и как будто холоднее.

— Вред тебе причиню я, если ты еще раз расстроишь мою жену, — бестрепетно пригрозил он ледяным тоном. — И не думай, будто я не знаю, что ты убил того ребенка нарочно, чтобы привлечь мое внимание. У меня и без того достаточно проблем, чтобы заниматься твоим воспитанием, Сигилль. Я рассчитывал, что забота о нуждах Рэсс-Массора заставит тебя остепениться. Но, похоже, я ошибся. Это разочаровывает.

В глазах Сигилля разгоралась ярость. Юное, едва возмужавшее лицо исказила капризная злоба. Он сжал кулаки.

— Разочаровывает? — прорычал он с обидой в голосе. — На Рэсс-Массор вот уже год не прекращаются вылазки пембуру, эти твари непрестанно нападают на пригороды комитата!² Мои шпионы говорят, что им помогает кто-то из наших! И этот кто-то еще и постоянно грабит склады с едой и водой!

¹ Эллари — раса лесных эльфов Старого Света, жители Велебриэля, являются порождениями фейри. См. *форзац*.

² Комитат — провинция в королевстве Черноскалье, аналог герцогства. Из-за малых размеров королевства комитат представляет собой скорее город-государство с прилегающими землями, управляемыми лордом комитата напрямую, без деления на мелкие феоды.

Я унижался и писал вам десятки писем с просьбой помочь, и все они были проигнорированы!

— Просьбы помочь? — вскинул бровь Гаррет. — Речь про тот скулеж, в котором ты бесконечно жалуешься и винишь всех вокруг вместо того, чтобы проявить ответственность и заняться наконец своим комитатом?

— Так вы читали их! — Он даже не знал, почувствовал ли радость или еще большую злость.

— Для этого у меня есть специально обученные слуги, Сигилль. Но это не значит, что я стал бы удостаивать твое нытье ответом.

— Нытье? Я делаю все, что в моих силах, но вы не поддерживаете меня! — Сигилль ударил себя в грудь. От этого снисходительного взгляда короля его всего трясло от злости и неясной обиды. — Хотя недавно вы отправили дракона на помощь Пику Запада, чтобы отбить атаку пембуру! По первому же зову Альтиры! Чем она лучше?

Сигилль никак не мог взять в толк, чем эта выскочка Альтира Несс лучше него — почему король помогает ей, а ему нет? Он ведь его кузен, его семья!

Гаррет склонил голову набок.

— Не ты ли хвалился, приговаривая, что лучше всех знаешь, как решить все проблемы Черноскалья, только дай тебе корону и власть? И что же? Не можешь справиться с кучкой пембуру под собственным носом?

Бледное лицо Сигилля пошло красными пятнами. Он был не дурак сплетничать направо и налево о своих амбициях, а о подобном заикался всего-то пару раз, остальное время он вел себя безупречно!

— Откуда вы...

— Ты забыл? В Черноскалье тень не шелохнется без моего ведома.

— Раз так, значит, вам известны те, кто нападает на Рэсс-Массор? Так скажите! — потребовал Сигилль, скривив губы и выпятив грудь. — Или вам плевать на своих подданных,

Эбонвейл. Мрачный бал

подышающих в когтях пембуру? На какого-то предателя под собственным носом?

Лорд Массор тут же пожалел о сказанном: на угловатом лице Гаррета Хесса, словно высеченном из мрамора, бледном и неподвижном, защелкнулась маска, вида которой даже Сигиль побоялся. Грозные тени скользнули по полу и облизнули подкосившиеся, похолодевшие ноги молодого куовари, словно готовясь вонзить в него ледяные клыки.

— Ты ничего не можешь требовать от короля, — терпеливо произнес Гаррет, хотя голосом его можно было резать металл. — А за проявленную дерзость тебя бы следовало казнить, Сигиль. Кажется, мне стоит прислушаться к Ламине и прекратить жалеть тебя.

Сигиль побледнел еще пуще. Тут же перед глазами всплыла чудовищная картина: шипящее, как кислота, темное пламя дракона, на его глазах поглотившее мать и обглодавшее ее до кости; тянущиеся к нему в последний момент разлагающиеся руки; глаза, полные животного ужаса; кожа, с тошнотворным хрустом рвущаяся на черепе; застывший в его ушах вопль. Сигиль никогда не забудет момент, когда из горстки пепла вдруг воспрянула голодная Плотоядная тень — одна из тех, кто сейчас, возможно, облизывалась на его кости среди тысяч других. Такая же, как предыдущий король, Руанисс Хесс. Такая же, как сотни других предателей короны. Все они теперь не вредили, но служили Черноскалью — хотели того или нет. «И в жизни, и в смерти».

Воспоминания отрезвили Сигилля, напомнили ему, что перед ним стоял могущественный король-цареубийца, который бестрепетно отдаст в пасть своему ручному дракону любого, кто несет стране не пользу, а вред. И если Гаррет считает его бесполезным — он разделит участь матери. Сердце загрохотало прямо в глотке, и пульс стал оглушительным. Страх смерти заставил его сделать шаг назад — в прямом и переносном смысле, — и Сигиль припал на одно колено перед королем, затем смиренно склонил голову.